

Լեռն իջ լճերն ի նո լճ անժառն ո՞ր թաղի՛

№16

Журнал Толкиновского Общества
Санкт-Петербурга

ԽԱՌԱԽԵՐ

:: ի թշնարն ::

:: ի թռած իշգյառ խնթի անթնոթն ::

ВНОМЕРЕ:

Из писем Толкина. (Пер. Золтана Бардинга).	3
МОРГУЛ. Сказание о славе краснолюдов...	8
преп. Р.МУРРЭЙ. Дж.Р.Р.Толкин и искусство притчи.	14
T.A.Shippey. The Road to Middle-Earth. (пер. М.Каменкович). . . .	22
МОРГУЛ. Ингер Эделфельдт - художник и Голлум.	27

На последней странице - первая часть из трёх уцелевших страниц Книги Мазарбул. Она написана на Всеобщем Языке (Вестроне), и представляет из себя образец позднего Ангертас, того его варианта, который называется "начертание Эребора". Книга представляет из себя каллиграфически оформленный дневник завоевания Мории отрядом Балина. Гэндальф читал фрагменты из Книги Мазарбул в "Братстве Кольца", кн.2, гл.5 "Мост Казад-Дума".

Palantir®

ПАЛАНТИР

№ 16 1999

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Этот номер для вас делали:

*Аратанве Эондил, Золтан Бардинг, Моргул, Морин
Эйкинсьялди*

Наш адрес: 191186 Миллионная 15-13

E-mail: eondil@sut.ru zoltan@home.ru

Наш сайт: <http://www.tolkien.spb.ru>

Copyright ©1999, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэна Смита.

:: 𐌸𐌹𐌿𐌰 𐌺𐌹𐌸𐌰 𐌲𐌶𐌰 𐌺𐌶𐌰 : 𐌹𐌿𐌶𐌰 𐌺𐌶𐌰

Письмо №144. К Наоми Митчисон. (Перевод Золтана Бардинга).

(окончание. Начало в №15)

Если говорить о географии, то без карт это будет ужасающе трудным делом. В томе I будет карта Ши́ра и достаточно подробная карта всего места действия (план на последней странице "Хоббита" - только маленький северо-восточный фрагмент). Нарисованные мной карты хоть и подробны, но не очень изящны; Кристофер, изучивший это искусство, рисует не в пример элегантнее. В издание войдут именно они. Вообще, у меня есть одно оправдание - повествование строилось на основе первоначально нарисованной карты, что позволило точно измерять расстояния и вообще описывать местность. Увы, места, не затронутые в истории напрямую представить себе трудно; да и вообще, рисовать карту по книге - занятие неблагодарное и тяжелейшее (как, я боюсь, Вы уже убедились).

Мои собственные рабочие карты я Вам послать не могу - эти грубые и поспешные наброски, может, и помогли бы читателям, но уж лучше нарисовать их заново; или Вы могли бы прислать свои карты, а я, снабдив их пометками и исправив, вернул. Увы, сейчас у меня просто руки не доходят до рисования красивых карт - почти таких же красивых, как работы моего сына. Они настолько точны, насколько может быть точной первая копия, но увы! - не содержат всех сведений, что были в оригиналах.

Теперь - кое-какие краткие ответы. Во-первых, Драконы. Они не вымерли, так как были активны в очень поздних временах, близких к нашему. Разве я говорил что-нибудь об их вымирании? Если это где-то просвечивает, я немедленно исправлю текст. На мой взгляд, единственное место, где есть что-то похожее - том I, стр.70: "нет на земле ни одного дракона, что смог бы Его расплавить". Но тут говорится не о том, что драконы вымерли, а о том, что нынешние слабы по сравнению с древними.^А У меня есть большая историческая таблица всех событий от начала до конца Третьей Эпохи. Она является исключительно полной, но я согласен и с тем, что краткая форма, в которую будут включены только важнейшие события, тоже была бы полезна. Если Вас интересует что-нибудь из перечисленного: "Кольца Власти", "Падение Нуменора", "Потомки Элендила", "Дом Эорла", генеалогия Дурина и гномских Владык Мории,

ᑭᑭᑭ : ᑭ ᑭᑭᑭ ᑭᑭᑭ : ᑭᑭ ᑭᑭᑭᑭᑭ : ᑭ

Летописи Вре́мён (особенно II и III эпох) - я успею сделать Вам копии.

Орки (само слово перекликается со староанглийским *orc*-“демон”, но это только фонетическое созвучие) не имеют ясного происхождения. Так как они служили Тёмной Силе, а позже - Саурону, которые не могли создавать живых существ, они - “извращенные” создания. Они не являются полностью моим изобретением - многое, я думаю, почерпнуто из традиции гоблинов (так они называются в “Хоббите”, где слово “орк” звучит только однажды) у Джорджа МакДоналда, за исключением мягких ступней, в которые я, кстати, и не верил никогда. Само название имеет форму *orch* (pl. *Yrch*) в Синдарине и *uruk* в Черном Наречии.

Само Черное Наречие использовалось только в Мордоре, в истории оно звучит только в надписи на Кольце и в одной фразе, сказанной орками Барад-Дура (т. II стр. 48)¹, а также слове Назгул (ср. “Назг” в надписи на Кольце). Никто из других народов по доброй воле не употреблял этот язык, поэтому даже названия мест в Мордоре приведены на английском (Всеобщем) или Эльфийском. Мораннон - просто “Черные Врата” на эльфийском; ср. Мордор (Черная Земля), Мория (Черная Пропасть), река Мортонд (Черный Корень). Rohir-rim это эльфийское (гондорское) имя для народа, именовавшего себя “Всадники Марки” или Эорлинги. В этом слове нет еврейских созвучий. В эльфийских языках есть различие в форме и использовании “разделенного”(специфического) множественного и множественного общего. Например, *urgh* - это орки, несколько орков (см. т. I стр. 359, 402); а Орки как народ, раса, или ранее упомянутая в разговоре группа - *orchoth*. В Серо-Эльфийском общее множественное часто производилось из названия или топонима прибавлением определённого слова, обозначающим “народ, племя, орда”. Так, Haradrim - Южане: Квэнийское *rimbe*, Синдаринское *rim* - племя; Onod-rim - Энты. Rohirrim происходит из *roch* (Кв. *rokko*) “лошадь”, и Эльфийского *kher*- “повелевать”; откуда Синдарское *Rochir* “повелитель коня”, и *Rochir-rim* “племя повелителей коней”. В гондорском произношении *ch* (как в немецком, уэльсском, и т.д) был смягчен к звучащему *h*; так *Rochann* превратился в *Rohan*.

Беорн уже мертв, см т. I стр. 241. Он появился в “Хоббите”, 2940 г ТЭ (Ширский 1340 год). Мы сейчас в 3018-19 годах (Ш. 1418-19). Хоть он и владел искусством смены облика и еще кое-каким волшебством, но был всё же просто человеком.

Том Бомбадил - не самый важный персонаж в истории. В нем больше важности как в образе для сравнения. Я не собирался его помещать в книгу именно для этого; он появился очень давно (в “Оксфордском Журнале” в 1933 году) и выражает что-то, что я чувствовал, но не имел времени проанализировать. Однако, если бы он вообще не имел никакого отношения к рассказу, я не поместил бы его туда. Вся история рассказана в образах хорошей стороны против плохой стороны, красоты против безжалостного уродства, королевства против тирании, добровольно ограниченная свобода против бесцельного принуждения, преследующего лишь власть ради власти. И та и другая сторона в большей или меньшей степени основываются на власти - Том же принял, если можно так выразиться, “клятву бедности”. Он отказался от любой власти ради права видеть все вещи такими, какие они есть, возможности наблюдать,

ᄡᄢᄢ ᄡᄢᄢᄢ ᄢ ᄡᄢᄢ ᄢᄢᄢ ᄡᄢᄢ ᄡᄢᄢ :

узнавать и исследовать мир. Для него права власти являются крайне бессмысленными, а ее средства - бесполезными. Такова естественная позиция пацифиста перед лицом войны. Но позиция Ривенделла кажется более верной - существуют вещи с которыми Бомбадил не сможет в одиночку справиться, и от которых зависит его судьба. В конце концов только победа Запада позволит Бомбадилу остаться там, где он живёт (или вообще выжить) - в мире Саурана для Тома нет места.

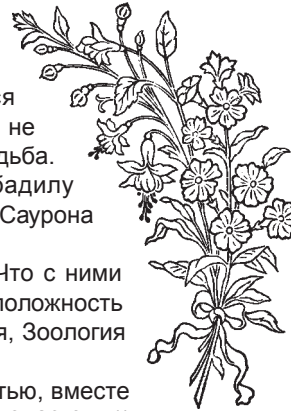
Я уверен, что Том никак не связан с Жёнами Энтов. Что с ними случилось, в книге не рассказано. Скорее, Том - противоположность Женам Энтов, как противоположны Ботаника и агрономия, Зоология и скотоводство, Поэзия и практичность

Я думаю, что фактически Жены Энтов исчезли полностью, вместе со своими садами, когда в Войне Последнего Союза (ВЭ 3429-3441) Саурон использовал тактику "выжженной земли" перед наступлением Союзных войск (см. т.II стр.79)². Они могли выжить только в сельском хозяйстве Людей и Хоббитов; возможно некоторые бежали на Восток или даже были порабощены: тиранам всегда нужны рабы для поставки продовольствия и снаряжения для своих армий. В любом случае, они ушли очень далеко от Энтов, настолько далеко, что их сближение в дальнейшем стало практически невозможным; если только опыт милитаризованного сельского хозяйства не сделал их более анархичными и близкими к дикой природе. Может быть и так. Не знаю.

Дети Хоббитов были замечательны, но боюсь, что единственное оставшееся упоминание о них - начало первого тома. Я написал Эпилог, где рассказываю о дальнейшей судьбе одного (довольно исключительного) семейства, но он был подвергнут всеобщему осуждению, и я не буду вставлять его в книгу. В конце концов, надо же когда-нибудь остановиться!

Да, Сэм Гэмджи имеет некоторое отношение к доктору Гэмджи; в детстве я часто слышал о "ткани Гэмджи" и эта фамилия отложилась в памяти. "Старичина Гэмджи" появился давным-давно, в одной игре с моими детьми, и основывался на одном реальном "старичине". В книге (т.II стр.21) это имя произведено от названия деревни (известной плетением веревок) по-английски звучащему Gamwich (произносится Гэммидж), рядом с Тайфилдом.³ Поскольку Сэм был близким другом семейства Коттонов, я соблазнился на шутку с именем Gamwichy Gamgee; хотя в действительном хоббитском имени таких созвучий быть не могло.

Волшебники - это перевод квэнийского Istari (не совсем удачный, но лучший всех возможных вариантов "чародея"). Немногие знали их происхождение в ТЭ - например, Элронд и Галадриэль. Предполагают, что они появились около 1000 года ТЭ, когда тень Саурана снова начала распространяться по землям Средиземья. Они были старыми изначально, и старели еще больше со своими трудами, до тех пор, пока не исчезли с уходом Колец. Их считали посланниками Заокраинного Запада (в выражениях, принятых в книге); их основной задачей, выполняемой Гэндальфом и извращенной Саруманом было поощрять и объединять силы Врагов Саурана. Саурон был противником Гэндальфа в его трудах, также как был врагом и Арагорна.

᠋ᠠᠨᠠᠭᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ ᠠᠨᠠᠭᠤᠯᠤᠰᠤ : ᠠᠨᠠᠭᠤᠯᠤᠰᠤ ᠠᠨᠠᠭᠤᠯᠤᠰᠤ : ---

Балрог - оставшийся в живых ужас из легенд Первой Эпохи. Как и Шелоб, Балроги были первичными духами. Их оружием были огненные кнуты, их стихией - огонь и пожары, их повелителем - Темная Сила. В ниспровержении Тангородрима было уничтожено много Балрогов, но (как часто бывает) не все, одному удалось бежать и укрыться под горами Хитаэглин (Туманные Горы). Заметно, что только Эльфы знают, кто он такой - и, без сомнения, Гэндальф.

Шелоб (на английском, выполняющего в книге роль Всеобщего 'she-lob' = она паук) - перевод эльфийского Ungol 'паук'. О ней говорится в т. II стр. 332 как о потомке гигантских пауков долин реки Nandungorthin, которые входят в легенды о Первой Эпохе, особенно в основном рассказе - о Берене и Лютизн. Это постоянно подчеркивается, так как Сэм замечает (т. II стр. 321)⁴, что их с Фродо история - в некотором смысле только продолжение старых легенд. И Элронд (и его дочь Арвен Ундомиель, которая по облику и судьбе походит на Лютизн) - потомки Берена и Лютизн; и Арагорн тоже, хоть и гораздо более дальний. Гигантские пауки были самостоятельны, только Унголиант - первобытный пожиратель света - в форме паука помогала Темной Силе, но в конечном счете поссорилась с ним. Таким образом нет никакого союза между Шелоб и Сауроном, представителем Темной Силы; только общая ненависть.

Галадриэль была старше чем Шелоб, или одного с ней возраста. Она - последняя из Великих среди Высоких Эльфов, пробудившаяся в Элдамаре за Морем, намного раньше, чем Унголиант пришла в Средиземье и произвела там свои выводы ...

Ну, после длительного молчания, я посылаю вам не менее затянувшийся ответ. Надеюсь, что все же не настолько длинный, чтобы злоупотребить Вашим весьма приятным интересом. Я глубоко благодарен Вам за него; и я надеюсь, что все пребывающие в Кэрэйдэлле⁵ примут мою благодарность.

Ваш искренне, Дж. Р. Р. Толкин.

Комментарии Хэмфри Карпентера:

1. "Ugluk u bagronk sha pushdug Saruman-glob bubhosh skai." 2. "...all the gardens of the Entwines are wasted: Men call them the Brown Lands now." 3. "My grand-dad, and my uncle Andy after him,... he had a rope-walk over by Tighfield many a year." 4. "Why, to think of it, we're in the same tale still! It's going on. Don't the great tale never end?" 5. Наоми Митчисон жила в Шотландии.

Комментарии переводчика:

А. В оригинале ВК: "there is not now any dragon left on earth in which the old fire is hot enough", то есть - не осталось на земле ни одного дракона, в котором старый огонь ещё был бы достаточно горяч. В переводе Григорьевой и Грушецкого (знаменитый "кирпич") сказано просто "драконы перевелись нынче" - как раз против такой интерпретации и протестовал Толкин. В переводе Каменкович и Каррика ("академическое", "золотое издание") перевод сделан, видимо, с учетом этого письма - "на земле повывелась прежняя порода драконов, а у нынешней пламя слабое и для такого дела не годится".

ԼՇՐԺ : ՆՅԽ ԶՅԺԺ : ՎՅԺ ԵԵՅԺ Բ

закреть, но когда выяснилось, что ворота не закрываются пришлось обсудить с этим жрецом условия внешней торговли.

Из соседнего из града Новиграда прибыл посланник тамошнего банкира, дядюшки Сэма, родственника нашего Богоподобного Жреца - Императора. Конечно же наш Император сразу решил написать ответ в Новиград на гербовой бумаге, но в результате отправил в Новиград посла с устным посланием. О нет, секретность тут вовсе ни при чем, просто у нас в Махакаме не оказалось ни гербовой бумаги, ни какой-либо бумаги вообще...

Мы, императорские лекари трудились не покладая рук редкие травы собираючи, что необходимы были нам для экспериментов наших по созданию яда пресильного.

А тут как раз к нам пожаловал собственной персоной наш богатенький Новиградский дядюшка - Сэм. В великолепном Императорском дворце все собрались на пиршество, а после встреча на родственном уровне проходила в обстановке конфиденциальной и приватной.

Всем нам дядюшка Сэм поведал о том, что в Новиграде произошел переворот. Труженики полей восстали против богачей и буржуев. Банк же Сэмовский не пострадал, а наоборот все богател (о причине столь странного явления мы узнали много позже, тогда уж выяснилось, что у банкира нашего родственного был телепорт к нам в Махакам, где он и хранил все свои деньги. Приходят его банк национализировать - а денежек-то и нету!) Добрый наш родственничек сыпал деньгами направо и налево, так что не удивительно, что мы к нему привязались. Любезный лекарь, а не могли бы вы составить на заказ отменного яду, медленного и смертельного.

-Охотно, охотно!

-А я бы уж с вознаграждением не поспешил...

А после испросил великочтимый Сэм жриц Храма Блюддюрстиха препроводить спутницу свою младую в златые недра Храма, дабы познала она величие и силу Блюддюрстиха.

Только пышная свита дядюшки Сэма удалилась, как в наш славный город заявилось посольство Белой Розы.

-Богоподобный наш Жрец-Император, к вам прибыло эльфийское посольство.

-Как прибыло? Зачем прибыло? Я их не звал. Не хочу я с эльфами разговаривать, всех их на костер надо...

На дипломатическую встречу пришлось идти советнику Золтану.

-Кто тут желал видеть Императора?

-А Ваше Величество, именно Вас-то мы и ждали! Разрешите побеседовать с Вами с глазу на глаз, только гарантируйте безопасность моим людям.

-Отчего ж не гарантировать, если вы, конечно, гарантируете мою безопасность.

-Знаете ли Вы, что творится в окрестных землях?

ᚱᚢᚾ ᚠᚳᚢᚳ ᚷᚢᚱᚢ ᚳᚢᚳ : ᚱ ᚱᚳᚢ ᚳᚳᚳᚢ :

-Нет!

-Всюду восстания. Народы свергают своих правителей. В Новигrade зреет заговор краснолюдов против людей. Так почему бы нам, нелюдям, не объединиться и не смести всех людей с лица земли? Первым делом надо смести с лица земли Новиград.

-Но если мы нападём на Новиград, мы же будем против своих братьев краснолюдов сражаться!!

-Но я же не призываю Вас идти на Новиград... Просто перейдите на нашу сторону. Наше княжество Шэровэт совсем маленькое, армия крошечная, сражаться совсем некому, а нас постоянно осаждают толпы злых и противных.

-И далеко ваше княжество?

-Далеко. Ужасно!

-Ага, я все понял, как только мы встанем на вашу сторону, все злые и противные тотчас ринутся на нас. Какая нам польза, простите, от такого союза?

-А мы можем поставлять вам хрусталь.

-А для чего он нужен?

-Ну... Он в горах добывается, из него очень прочные наконечники для стрел и копий получают.

-Сомневаюсь я, что кузнецы наши горазды хрусталь обрабатывать.

-Ну еще можно хрусталем дворец Ваш украсить.

-И так он неплохо украшен.

-А еще из хрусталя можно магические предметы делать.

-А мы народ немагический, мы и магии-то не знаем.

-Мы вам помогать будем.

-Стало быть вы для нас магические артефакты делать будете?

-Ну... поможем мы вам.

-Так будете делать или нет?

-Мы.. никогда не пробовали, но для вас попробуем.

А тем временем из Махакама в погоню за длинным рублем ушел второй караван. В столице остались лишь Император, жрицы, два паладина и мы, лекари, замешивающие патентованный яд. Богоподобный Жрец император наградил советника Золтана орденом Вереска за удачное вранье на переговорах с эльфами. А тут с таможни прибежали охранники, в свободное от поборов время занимавшиеся тихим браконьерством, путем отлова рыбы со стороны Новиграда.

-Господин Жрец-Император, к Вам прибыл король Новиградский.

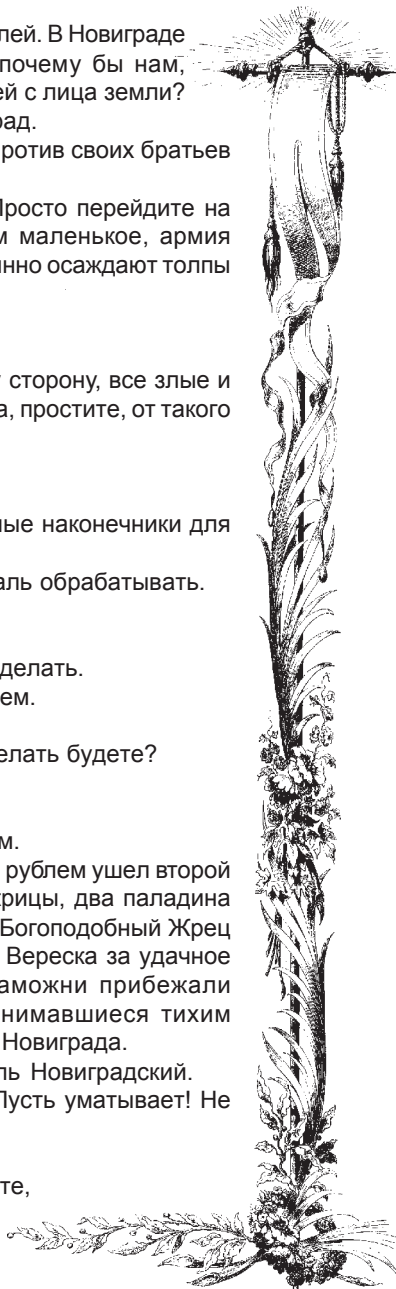
-Какой король? Зачем король? Я его что, звал? Пусть уматывает! Не буду я с королями какими-то там разговаривать!

-Но он желает говорить с Вами лично!

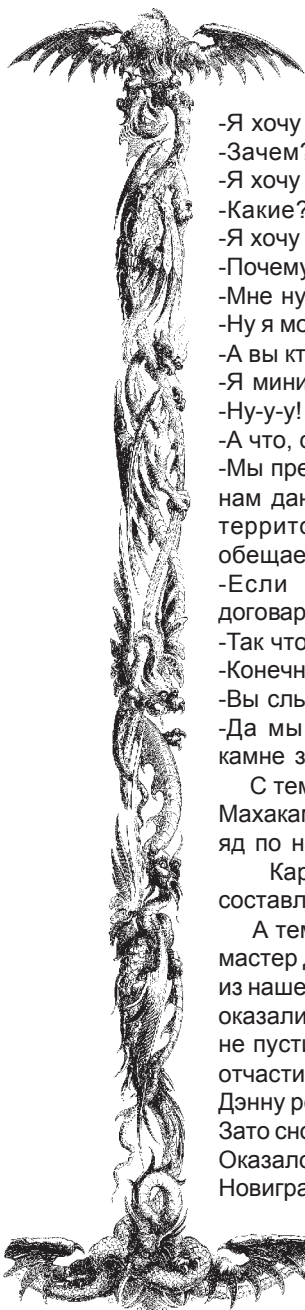
-А я не желаю! Идите лучше вы с ним поговорите, Золтан.

-Но он хочет именно с Вами!

-Идите, идите, я вас еще одним орденом награжу

᠋᠋᠋᠋ ᠋᠋᠋᠋᠋ ᠋᠋᠋᠋᠋ : ᠋᠋᠋᠋᠋ ᠋᠋᠋᠋᠋᠋᠋᠋ :

за успехи в области дипломатии.

Король Новиграда уже очень долго торчал на грязной и склизкой переправе и был явно недоволен таким приемом.

-Я хочу поговорить с вашим Императором!

-Зачем?

-Я хочу с ним обсудить важные вопросы!

-Какие?

-Я хочу это обсудить именно с ним лично!

-Почему это именно с ним?

-Мне нужен кто-то, кто может принимать ответственные решения.

-Ну я могу.

-А вы кто?

-Я министр научно-технического прогресса.

-Ну-у-у! Это не годится!

-А что, собственно вам нужно?

-Мы предлагаем взаимно-выгодное соглашение: вы выплачиваете нам дань, а мы обеспечиваем вам безопасное передвижение по территории Новиграда, в противном случае такового вам не обещаем.

-Если хотите обложить пошлиной купцов так с ними и договаривайтесь. Причем тут, собственно, Император?

-Так что, я не могу с ним лично увидеться?

-Конечно же нет! Что вы!?

-Вы слышали?! Он сказал конечно нет!

-Да мы сейчас соберем армию, возьмем наемников, камня на камне здесь не оставим!

С тем Новиградская королевская компания и ушла. Больше их в Махакамских краях не видели. Не иначе дядюшка Сэм использовал яд по назначению.

Караваны возвращались. Иногда даже с едой. Курс обмена составлял 1 купон еды на 2 купона руды.

А тем временем перед многострадальными воротами появился мастер Дэнна в образе играющего и в сопровождении краснолюдов из нашего поселка. По счастливой случайности ворота в тот момент оказались закрыты. Ни Дэнну, ни братьев краснолюдов мы в город не пустили, отчасти потому, что подозревали в гнусных замыслах, отчасти потому, что были увлечены забоем скота. В конце - концов Дэнну решили пустить, но отравить. Он же не дождался нас и ушел. Зато снова пришел наш богатенький дядюшка Сэм, принес денежек. Оказалось очень вовремя он пришел, так как в это самое время в Новиграде разразилась чума. На Махакам же снизили мир и покой

- мы сели обедать.

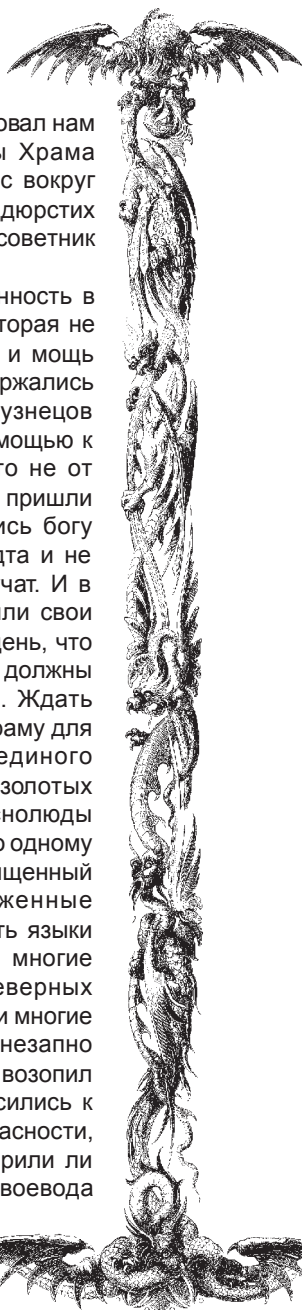
За трапезой случилась новая напасть. Военный советник Императора Ааз вскрикнул от резкой боли в брюшине.

ἰῆῤῥῥ ῑῑῑῑῑ : ἰῆῤῥῥ ῑῑῑῑῑ : ῑ

Сомнений не было - это аппендицит. Мы с главным лекарем Ролдом засомневались, сможем ли провести такую сложную операцию, но выбора не было - решили резать. Опустились мы на колени и обратили мысли свои к Блюддюрстиху, великому богу нашему, прося, чтобы даровал нам благословение свое и направил руки наши. И жрицы Храма молились вместе с нами, и пылали жертвенные чаши с вокруг больного, погруженного в забытие. Услышал тогда Блюддюрстих мольбы наши и удачной была операция, и выздоровел советник Ааз

А тем временем тихо - тихо, исподволь зрела напряженность в отношениях с той несознательной частью населения, которая не прониклась светом истинной веры, не познала величие и мощь бога нашего Блюддюрстиха, и с давних пор втихомолку держались своего божка Шмидта. Но не помогал им их Шмидт, кузнецов разбила ломота и вынуждены были они обратиться за помощью к императорским лекарям. Лекари же ответствовали, что не от работы болят кузнецов спины, но от того, что ни разу не пришли кузнецы под сень храма Блюддюрстиха, ни поклонились богу истинному, и что ежели не отрекнутся кузнецы от Шмидта и не поклонятся Блюддюрстиху, то помощи никакой не получат. И в деревне вредные идейки Шмидтопоклонения уже пустили свои ползучие корни. Постепенно стало нам ясно, как белый день, что коли хотим мы защитить Махакам от гнусной ереси, то должны безотлагательно принять меры по наведению порядка. Ждать долго не стали: всех ненадежных оглушили и отнесли к храму для исполнения обряда очищения. Все махакамцы до единого собрались перед Храмом. Вышел тогда император из золотых ворот и сказал, что Блюддюрстих требует, чтобы краснолюды доказали свою верность ему и прошли обряд очищения. По одному входили мы в храм, ведомые жрицами и вступали в священный пламень Огненной Пяты Блюддюрстиха. Приближенные Императора и гвардия вышли из огня невредимыми, хоть языки пламени и доставали до самой золотой крыши Храма, многие краснолюды прошли испытание невредимыми, но неверных покарал Блюддюрстих, и они пали бездвижными в храме, и многие еще убиты были при попытке к бегству неразумной. Внезапно Богоподобный наш Жрец Император рухнул на землю и возопил от боли невыносимой. Испугались мы бесконечно и бросились к нему, надеясь спасти его от неожиданной и неведомой опасности, ибо хоть и казалось, что Император наш умирает, не верили ли мы, что оставит Блюддюрстих верный свой народ. Тут воевода Радор выступил вперед и объявил, что получено им было письмо предсказательное, в коем говорилось, что

တၢ်ခၢ်တၢ်ခၢ် : ဣဝ်း ကံဣဝ်း : ဣဝ်း ဣဝ်း

скоро Император умрет, а Махакамом будет править чужеземец. И словно в ответ на это ворота храма рухнули. Зашумели тогда краснолюды, большинство поддерживали Радора, ибо видели, что Император при смерти, и недовольны были жестоким по их мнению обращением с мятежными кузнецами, но гвардия, паладины, жрицы и приближенные Императора отказались верить злодейской бунтовщицкой бумаге и бросили ее в пламя Огненной Пяты Блюддюрстиха. Тогда стал приходить в себя Великий наш Жрец император и поняли мы что не суждено ему умереть. Подняли его на носилки и в сопровождении гвардии унесли тайной тропой высоко в горы, в тайное укрытие, где давным-давно жили еще наши предки. Была там пещера, в коей бил источник чистой воды, там и собрались все краснолюды сохранившие верность Императору и богу нашему Блюддюрстиху. Мало нас было и не могли мы вступить в бой со всей остальной страной. Нет, не боялись мы пасть в битве, но боялись за жизнь Богоподобного Жреца Императора, и не хотели мы, чтобы с нашей смертью ушла в небытие вера в Блюддюрстиха. Тогда придумал Император хитрый план. Что спустимся мы в столицу, притворившись раскаявшимися и принявшими веру в Шмидта, а сами всех неверных по одному зарежем, отравим и ночами темными будем Блюддюрстиху обряды великие служить. Поснимали мы с себя драгоценности, а знаки Блюддюрстиха под одежду спрятали и воротились в столицу к любой встрече готовые.

Но пуста была страна краснолюдов. Ни в деревнях, ни в поселке кузнецов не было ни души. Оказалось, что все краснолюды ушли в военный поход, и хоть прославили в нем воинскую силу Махакама - все до одного умерли от голода в землях чужих негостеприимных. Так наказал их Блюддюрстих за отступничество, а нам вернул страну нашу. Стали тогда Жрицы восстанавливать Храм и снова засиял с высокой горы он чистым золотом. К нам же примчался от Сэма гонец с известием, что в Новиграде, страдавшем от набегов многочисленных, да переворотов никого из людей живых не осталось. Сам Император тогда повел гвардию в Новиград, и вошли мы в город, и провозгласили Новиград краснолюдским городом, и наместником дядюшку Сэма посадили. Так стал Новиград частью Империи Махакам и заселен был одними краснолюдами. На обширных его полях и равнинах утвердилась вера в Блюддюрстиха.

Тогда решили мы возблагодарить бога нашего и восславить его так, чтобы во всех землях слышали имя Блюддюрстиха, и трепетали, и покорялись. Закатили мы в столице нашей пир великий и праздновали, и радовались все. И прибыл к нам на пир Сэм Новиградский. А когда осушили мы кубки свои до дна, взошли на священную гору в золотые ворота Храма и возожгли множества огней. Семижды семь раз славили мы Блюддюрстиха и во всех землях слышны были голоса наши. Колдовским огнем наполнился Храм, словно радужные молнии заполнили его от крыши до полу. Тогда пали мы все на пол в волшебном забытии, а души наши освободились от тел и в сиянии неземном полетели через все земли из края в край провозглашая всюду имя Блюддюрстиха. Всю ночь взирали в изумлении и непонятках народы иноземные на сияющие образы наши. А по утру очнулись мы снова в своих телах на каменном полу храма.

Ранним утром пришли в Махакам девы-целительницы из храма Милитэли и предложили купить у них редких лекарств. Конечно я обрадовалась и испросила дев о цене.

-Двадцать монет за каждую травку.

-Ого! Ну и цены у вас!

-Ну хорошо - пятнадцать за все вместе.

-Господин Император, у нас есть деньги?

ᐃᓂᓂ ᑦᓂᐃ ᑕᓯᓂ ᐃᑭᓯ : ᐃᓂᑕ ᐃᑦᓂᓂ :

-Да!! Вся казна у меня!

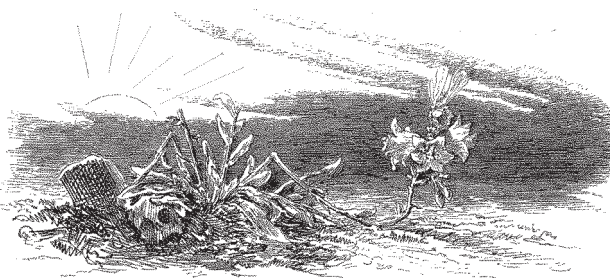
Император гордо достал из мешочка с казной деньгу.

-Вот сколько у меня!

И спросили мы тогда у мастера Jeroll - какого номиналу та деньга, что казну нашу составляет. И ответствовала Джерол:

-Это одна монета.

Повисла неловкая и тягостная пауза.

краснолюды созерцали свою казну с таким трудом накопленную за все это время.

Только мы не спеша отзавтракали, как пришло известие, что Редания идет нас штурмовать...минут через сорок пять. Мы страшно обрадовались и приготовили все к торжественной встрече: Длинные копья, острые мечи, тяжелые топоры и пару бомб. Укрепили ворота оковав их железом и стали ждать. Реданцы все не шли. Тогда решили мы, что негоже стоять посреди дороги воинам славным в праздности, коль наточены мечи и развернуты флаги, и решили двинуться на Редань дерзкую во славу Блюддюрстиха. И уже решили было двинуться в путь, как навстречу нам с переправы вышел шатаясь краснолюд из нашего поселка, который, видать с утра пораньше ездил в Новиград по делам. Был он бледен и поведал, что через переправу перебраться ему с трудом удалось из-за запаха премерзостного, ибо по слухам служители храма Милитэли схоронили на нашей переправе шкуру поганого монстра Ригера. Тогда жрицы наши сказали, что давно пора храм Милитэли с лица земли снести, мол от него одни неприятности краснолюдям и экологические бедствия. Стали мы думать как новую напасть одолеть. Тут нежданно негаданно появился ведьмак монстра страшного преследующий, стали они по горам гонять, хоть и видно было, что выдохлись уже оба. Воодушевленные зрелищем битвы жестокой решили мы немедленно идти на Реданию, а чтобы миазмы зловонные силу и здоровье у нас не отняли дыхание все воины должны были задержать, до тех пор, пока на противоположный берег не выберемся. В Новиграде к нам присоединилось войско столь огромное, что у Редании не осталось никаких шансов на спасение. Шли с нами маги великие, и победа наша была предрешена. Пришли мы под стены Редани высокие и осадили город. И пала Редань. Остались людские поселения только в Цинтре, до которой все руки наши не доходили, а краснолюдские владения раскинулись теперь как в стародавние времена - почти на все земли обитаемые. Три страны объединились под мудрым правительством Богоподобного Жреца Императора нашего, и утвердилось всюду вера истинная - вера в Блюддюрстиха.

Записано Морзуп, свигететницей и
участницей всего происшедшего в назидание
потомкам.

преп. Р.Муррэй

Дж.Р.Р.Толкин и искусство притчи.

"И таковыми многими притчами проповедывал им слово, сколько они могли слышать. Без притчи же не говорил им." (Марк 4,33-34)

Не знаю, просил ли кто-нибудь когда-нибудь Толкина прочитать проповедь, однако сам он предъявлял к проповедям высокие требования.

"Хорошие проповеди" должны содержать в какой-то мере всего понемножку; - они должны быть умело составлены, должны нести добродетель и отличаться осведомленностью. Чтобы произнести настоящую проповедь, необходима специальная благодать, которая не заменяет умения говорить проповеди, но дарует проповеднику это умение, действуя через инстинкт или "вдохновение"; поистине, случается иногда и так, что Дух Святой, говоря через человека, дает ему в тот миг искусство, добродетель и прозорливость, которыми сам человек не обладает; однако такое случается редко". <Письма Дж.Р.Р.Толкина>, Аллен и Анвин, Лондон, 1981, с.75>

Толкин замечал этот особый дар у своего приходского священника, Дугласа Картера, одна из проповедей которого вдохновила его на длинное и богатое богословским материалом письмо к сыну Кристоферу <Ibid., с.99-102>. Это случилось в октябре 1944 года, примерно в то время, когда я, тогда еще новичок в Оксфорде, открывал для себя радость дружбы с Толкинами. Менее чем восемнадцать месяцев спустя, когда они заметили, что я близок к тому, чтобы разделить их веру, они представили меня о.Картеру, что привело впоследствии к моей долгой дружбе с этим замечательным человеком и проповедником. Однако проповеди не следует перегружать воспоминаниями, и, хотя Толкин рад был обычно похвалам, он не одобрил бы проповеди, сконцентрированной на нем самом, вместо вещей Божественных. Однако мне показалось правильным выбрать такой текст, с помощью которого мы с ощутимой пользой могли бы поговорить о некоторых из идей Толкина. Сколько мне известно, он мало писал непосредственно о Библии, если писал вообще; однако если мы задумаемся над предложенным текстом, в котором излагается учение Христа о притчах, то мы отыщем в книгах Толкина не только множество рассуждений о природе и силе искусства, которым в таком совершенстве владел Иисус, но и замечательные образчики этого искусства, хотя Толкин никогда не претендовал на то, чтобы его произведения классифицировали как притчи.

"Таковыми многими притчами, - говорит Марк, - Иисус проповедывал им Слово, сколько они могли слышать".

Ясно, что в этой цитате "словом" обозначается то, о чем намеревался сказать Иисус, тогда как "притча" - это средство, Им избранное. "Слово", конечно, означает Евангелие, Благоую Весть. Что же до притчи, то в наше время под этим словом, по-видимому, часто понимают повествование, содержащее намек на скрытый смысл; но такое понимание скорее подразумевает аллегорию, которая на самом деле является лишь одним из многих речевых актов, на библейском языке обозначаемых древнееврейским и греческим терминами, которые мы переводим, как "притча". Первоначальное значение этого термина - "сравнение", но под эту же категорию подпадают и аллегория, и пословица, и сатира, да и почти что любой языковой образ, метафора или парадоксальное высказывание.

ለታላቅ ፡ ስጦታ ስጦታ ፡ ስጦታ ስጦታ ፡

Отталкиваясь от нынешнего понимания притчи, мы могли бы усомниться - действительно ли Иисус всегда говорил притчами. Но если мы осознаем, что это понятие включает в себя все живые образы Его речи, к примеру, о лилиях полевых, которые не трудятся, не прядут, или же о "слепых поводырях", тогда это "утверждение" оказывается применимо к гораздо большему числу примеров.

Почему Иисус говорил притчами?

Марк говорит, что Иисус проповедывал Слово народу "сколько они могли слышать", подразумевая, что Он выбрал себе в посредники язык притчи, чтобы Его слова могли быть доступны восприятию слушателей. Но вопрос можно трактовать двояко: притчу можно оценить согласно заключенной в нее притягивающей и стимулирующей силе, или же согласно сравнительной неясности притчи в качестве средства общения. Евангелисты избирают вторую точку зрения и связывают использование Иисусом притчи с глубоко волновавшим их фактом (ап.Павел, к примеру), а именно, - что большая часть евреев не признавала в Иисусе Мессию, а Его учение не признала за Слово Божье. Сегодня, однако, мне хотелось бы говорить о притчах Иисуса скорее как о виде искусства, чем просто о методе, выбранном замечательным учителем.

Слова ап. Марка "сколько они могли Его слышать" - есть всего лишь легкий намек, однако он применим к обоим аспектам вопроса о том, почему Иисус говорил притчами. Ап. Марк подразумевает, что Иисус исходил из возможностей своей аудитории, понимая, насколько Его слушатели различаются и по образованию, и по степени открытости Слову. Поэтому Он предпочитал не ставить их всех сразу перед испытанием, к которому многие из них могли быть не готовы, но избрал средство, которое в первую минуту просто привлекало внимание, а потом приходилось по вкусу, пробуждало и дразнило разум, заставляя задумываться даже много времени спустя, пока слушатели не обретали способность откликнуться по-настоящему.

Притча, в ее библейском понимании, - это умелое использование искусства разговора, которое исключает навязывание или убеждение и имеет целью вызвать ответ, в котором слушатель проявил бы личную активность. Один из наиболее поучительных примеров в Библии - это пример того, как пророк Натан привел царя Давида к раскаянию в совершенных им проступках - прелюбодеянии и намеренном убийстве (2 Самуил, 12). Пророк рассказывает царю Давиду трогательную историю о наделенном властью богаче, который заставил бедняка отдать ему любимую овцу последнего. Давид реагирует на эту историю с гневом, который выдает бурю в его собственной душе, поскольку его реакция для изложенных в притче обстоятельств явно чрезмерна и больше соответствовала его собственному греху. Сама в себе притча не включает никакого персонально направленного обвинения, однако действует на воображение и чувства Давида таким образом, что пробуждает его притупившуюся совесть и подготавливает его к осознанию и принятию истины о самом себе. Только после того, как притча сделала свое дело, открывает Натан Давиду ничем не прикрытый свет истины: "этот человек - ты..." С тех времен каждый читатель видит притчу уже в самом этом эпизоде из истории Давида, поскольку способность того или иного рассказа выступать в качестве притчи не зависит от того, вымышлен ли он или передает реальные факты, но только от того, обладают ли эти факты той потенциальной универсальностью, которая заставляет других счесть их применимыми к иным ситуациям - будь то через образное восприятие или по аналогии.

Притча и аллегория.

К этому моменту вы, должно быть, уже обратили внимание на одно из специфических словечек Толкина - "применимый". Он часто использовал его, когда заходила речь о способности текста говорить читателю больше, чем сказано, и не быть при этом искусственной аллегорией. Толкин, конечно, всегда настаивал на самостоятельности текста, как искусства самого по себе, как творения, которое не имеет иного назначения, кроме как доставлять удовольствие.

ᲞᲚᲞᲚᲞᲚ : ᲙᲞᲚᲞᲚ Კ ᲞᲚᲞᲚ Კ ᲞᲚᲞᲚ

Хорошей книге не обязательно быть носителем какой-либо "вести", отличной от содержания книги; однако Толкин часто признавал, что самые великие истории как в целом, так и во многих частностях, несут в себе нравственно значимые моменты, которые применимы к опыту читателей, далеких от рассказчика как во времени, так и в пространстве. Существует, однако, одна разновидность притч, о которой Толкин говорил особо и к которой относился неоднозначно, а именно - аллегория. Он часто выражал свое неудовольствие по отношению к ней, как вообще, так и по отношению к использованию ее К.С.Льюисом. В своем предисловии к "Властелину Колец" он говорит об аллереории:

"Я больше предпочитаю историю, - неважно, истинную или вымышленную, с разнообразием ее применимости к мыслям и опыту читателя. Я думаю, многие путают "применимость" с аллегорией; однако первая основывается на свободе читателя, а вторая - на целенаправленном подавлении его восприятия автором."

Тем не менее Толкин не мог совсем лишить аллегория места в своих работах - заботясь, естественно, чтобы она не выходила за пределы отведенного ей места. Так, аллегория могла служить аргументом в споре; в таких случаях Толкин был вполне готов к тому, чтобы изобретать аллегория и называть их своим именем, как он однажды делает на страницах своей великой лекции по "Беовульфy". <"Monsters and Critics", 1983, сс.6-8> Однако даже обсуждая художественный текст, он мог иногда выказать большую, чем обычно, терпимость по отношению к аллереории и допустить, что

"...любая попытка объяснить смысл мифа или сказки не может обойтись без аллегорического языка. (И, разумеется, чем "живее" поведенная история, тем больше будет она подвержена аллегорической интерпретации; в то же время чем удачнее нарочитая аллегория, тем ближе она обычно к тому, чтобы ее воспринимали просто как художественную повесть)". <"Письма", с.145.>

Все сказанное может быть отнесено и к интерпретации притч Иисуса, поскольку в среде исследователей долго считалось за непререкаемую догму, будто ни одна из Его притч не является аллегорией и ни одна не может быть законно интерпретирована в качестве таковой. Однако аллегория была частью библейского притчевого жанра: в книгах пророков мы находим много тому примеров, особенно в размышлениях по поводу истории Израиля и других народов. Нужно ли защищать Иисуса от утверждений, будто ему-де все-таки случалось пользоваться аллегориями - или следует считать просто аллегория одной из возможных разновидностей историй, "применимых" на другом материале?

Давайте рассмотрим один или два примера.

Как Матфей, так и Марк с Лукой начинают рассказ о притчах Иисуса с притчи о Сеятеле. Эта притча начинается с простой картинке, взятой из повседневной жизни. Она могла бы таковой и оставаться, поскольку представляет собой естественный символ, способность которого рождать метафору Иисус мог освободить поэтически с помощью всего лишь нескольких намеков. Однако Он продолжает, описывая разные виды почвы, куда могло бы упасть семя, и разные судьбы, которые могут его постичь - от бесплодия до наибольшей плодovitости. Здесь Иисус останавливается и заканчивает притчу Своим обычным призывом - "Имеющий уши да слышит" (даже в этих словах заключена метафора, поскольку физический процесс "слушания" уже закончен; "слушание" означает теперь внутреннее восприятие и отклик).

Ученики требуют объяснения (Здесь евангелисты вставляют свои собственные рассуждения на тему о том, почему учение Иисуса не было воспринято столь многими представителями Его собственного народа). Интерпретация, представленная здесь как исходящая от самого Иисуса, полностью аллегорична и дана в терминах различных откликов людей на Слово. Современные ученые почти единодушно признают сегодня, что это истолкование идет не от Иисуса, а от раннехристианской рефлексии. Ученые могут быть безупречны в своей лингвистической аргументации; однако если толкование притчи передано

ᐅᐅᐅ ᐅᐅᐅᐅ ᐅᐅᐅᐅ : ᐅᐅᐅᐅ ᐅᐅᐅᐅ : ᐅᐅᐅᐅ

словами слушателя, это вовсе не значит, что слушатель неверно понял смещение смысла в словах говорившего или привнес в него собственные идеи. Какой же сделать вывод? Очевидно, что Иисус оставил людей с незавершенной картиной посеянного семени, дающего различные всходы; однако, следует помнить, что Он разделял со своей аудиторией традицию научения с помощью символов и к тому же не был проповедником, провозглашающим радикально новую весть о Боге, так что многие из слушавших Его уже могли прежде знать, о чем Он проповедует. Поэтому он вряд ли преминули бы увидеть в сеятеле образ самого Иисуса.

Что касается значения всего остального, то Иисус оставил слушателям свободу толкования Его слов, однако притчи Его содержат целый ряд “крючков” с “приманками”. Аллегория вплетена в ткань притчи, однако сделано это с таким искусством, что ничто не портит радости слушателя, когда тому удастся самостоятельно найти толкование. Именно поэтому я полагаю, что предложенная здесь интерпретация исходит не от самого Иисуса. Не то чтобы Он не имел этого толкования в виду, но оно заключает в себе меньше, чем Он мог подразумевать в притче. Притча фокусирует в себе опыт многих слушателей, приобретенный в самых разных ситуациях. Однако индивидуум “применяет” ее к известной именно ему (или ей) ситуации или состоянию. По другому поводу Лука сообщает нам, что, когда Иисус живописал, как по-разному - ответственно или безответственно - ведут себя слуги в отсутствие хозяина, Петр спросил Его: “Господи, к нам ли притчу сию говоришь, или ко всем?” (Лука 12:41). Умный вопрос; однако Иисус отвечает на него другим вопросом, благодаря которому Петр и заодно с ним каждый читатель обретают возможность догадаться о подлинном ответе, который звучит как “и то, и другое”.

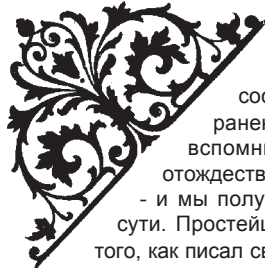
“Применимость” притчи о добром самаритянине

“Применимость” историй, понятая по Толкину - более удачный ключи к пониманию притч Иисуса, нежели любой строго ограниченный набор определений, поскольку первый выигрывает в гибкости. Остановимся на притче о Добром Самаритянине. По контексту, история эта рассказана ради того, чтобы помочь проявившему добрую волю вопрошателю ответить на вопрос - “кто ближний мой?”. Иисус нарочито изображает наиболее неприятную разновидность “ближнего”, который, однако, совершает, по сравнению с остальными, наиболее добрый поступок, - поступок, какого следует ожидать именно от “подлинно ближнего”. Вопрошателю приходится признать это. Однако Иисус тут же поворачивает вопрос другой стороной. Теперь смысл его уже не в том, “как определить, кто мой ближний” (что значит ограничить круг подходящих под это определение лиц), но: “как мне следует себя вести теперь, когда мне пришлось признать, что *ближним* для меня может оказаться любой?”. Помещенная в свойственный ей контекст, данная история не выглядит аллегоричной: смысл ее зависит от прямой ценности поступков ее героев или от степени их страдания. Это выдуманная, а не *реальная* история, однако она вполне *могла* случиться и в действительности. Каждый ее герой имеет значение сам по себе, а не в зависимости от того, что или кого он символизирует. Эта история *применима* ко многим другим ситуациям, однако достигается эта применимость исключительно благодаря силе хорошего и плохого примеров, которые содержит, а не благодаря своей аллегоричности.

Тем не менее эту историю читали, случалось и в аллегорическом ключе. Отцы Церкви выработали такую ее интерпретацию, которая превращает всю эту историю и каждую деталь в ней в аллерегию драмы греха и искупления. Не вдаваясь в подробности, скажем только, что слова “дал в руки разбойников” связываются с Падением человека, которое произошло по вине Сатаны. Священник и левит представляют иудейский Закон, как его понимал Павел. Самаритянин, интерпретированный как “страж”, символизирует Христа; конь - воплощение; гостиница - Церковь и так далее. Все вместе звучит на редкость убедительно. На этом

Երկրորդ խոսք : ինքն ընթերցանաբար : ինքն

толковании воспитывались поколения христиан. Однако рядом с прямым прочтением притчи в присущем ей контексте оно выглядит попросту извращением. И все же?... Разве не присутствует в сострадании Самаритянина, в его решимости взять на себя хлопоты о раненом, нечто почти неизбежно заставляющее христианского читателя вспомнить об Иисусе? Эта мысль легко может даже заставить читателя отождествить себя с раненым путником и затем обобщить это отождествление - и мы получим зародыш прочтения, которое является уже аллегорическим по сути. Простейший случай такого прочтения можно найти уже через сто лет после того, как писал свое Евангелие Лука. Есть ли в *этом* извращение, или здесь мы имеем дело просто-напросто с еще одним из возможных аспектов "применимости" этой истории?

И вновь самое лучшее, что я могу здесь сделать - это процитировать Толкина.

"Конечно, Аллегория и Повесть пересекаются, встречаясь где-то в Истине. Поэтому единственная до конца последовательная аллегория - это реальная жизнь, а единственная до конца понятная Повесть - это аллегория. Даже по несовершенной человеческой "литературе" можно заметить, что чем лучше и последовательней изложена "аллегория", тем проще читать ее просто как "историю", и чем лучше и крепче сделана Повесть, тем скорее читатель, настроенный видеть в ней аллегорию, добьется своего. Однако эти два вида текста подходят к делу с разных концов" <"Письма", с. 121>.

"С разных концов"... Эти слова точно обозначают разницу, с одной стороны, между развитием естественного символизма через метафору, сравнение или притчу и с другой - искусственным жанром аллегории. Первая исходит из вещей как они есть и человеческой жизни в реальном мире, рассматривая мир как наделенный естественным символическим потенциалом; вспышка интуиции позволяет воображению увидеть, каким образом этот потенциал может порождать новое значение в измененном контексте. Так рождается *метафора*, то есть, перенос "силы" данного символа "в другое место", так, что этот перенос позволяет увидеть вещь с новой стороны; эта возможность нового понимания свободно предлагается каждому, кто в состоянии откликнуться. Величайшие притчи Иисуса работают как сложные формы этого "малого творения" ("вторичного творения", sub-creation), которое основано на непосредственном восприятии мира. То же самое, без сомнения, происходит и с книгами самого Толкина, хотя надо заметить, что материалом, с которым работало его воображение, в той же мере, что и окружающий мир, являлись человеческие языки.

С другой стороны мы имеем аллерию (стихотворные загадки могут рассматриваться как ее разновидность). Аллегория обретает силу не столько благодаря символическому потенциалу, скрытому в вещах или заключенному в человеческой жизни, сколько из определенного "плана" или сообщения, которое автор прячет под маской искусственно изобретенных символов, ведущих читателя к пониманию того, какое решение проблемы предлагает автор читателю в *реальном* мире. Все это, как мне думается, подразумевается в той короткой фразе, где Толкин говорит, что Повесть и Аллегория "подходят к делу с разных концов", и что применимость одной "зависит от свободы читателя, а другой - от целенаправленного вмешательства автора". Однако важно также понимать следующее: в великих художественных текстах и в аллегорических историях особенности этих двух способов "малого творения" могут перекрываться и смешиваться друг с другом. Так происходит и в притчах Иисуса, - по меньшей мере в некоторых.

Два ключевых термина, изобретенных Толкином

Знаменательно, что литературная интуиция Толкина помогает пролить свет на еще одну особенность притчи Иисуса, и особенность очень важную. Во многих притчах говорится о людях, которые стоят перед выбором, имеющим для них решающие последствия. Без сомнения, Иисус, рисуя живые примеры таких ситуаций, намеревался подтолкнуть людей к тому, чтобы

Недостаток времени не позволяет мне подробно остановиться на примерах собственного “малого творчества” (“вторичного творчества”, sub-creation) Толкина, которое вполне может рассматриваться в сравнении с библейскими историями (хотя сам Толкин смутился бы, услышав подобное предположение). Библия содержит следы различных поэтических креационных мифов помимо того, что изложен в книге “Бытия”; особенно явственно следы эти читаются в книге Иова и в псалмах. Однако со времени создания священных книг человечества ни в одной литературе, наверное, не удастся отыскать креационного мифа, который сравнился бы по красоте и силе воображения с тем мифом, которым открывается “Силмариллион”. В этом мифе Толкин спроецировал свою идею “малого (вторичного) творения” на Начало всех вещей и переложил миф о Сотворении Мира на новый лад, осмыслив Творение как Музыку. Илуватар Единый – прежде Мира создал Аинуров, “Святых, ... бывших порождениями мысли Его...” и предложил каждому из них музыкальную тему, чтобы те создали музыку. Наконец, Он объявил паузу и открыл им, что эта музыка как в красоте своей, так и возникающим в ней диссонансом задает архетипы и “сценарий развития” для всего мира и мировой истории. <“Силмариллион”. Ср в “Письмах”, с. 195: *“Так, в этом мифе я “допускаю” (что вполне законно вне зависимости от того, соответствует эта история реальным событиям или нет), что Он дал некоторым из Его наивысших созданий особую способность к “малому творению”, а это подразумевает гарантию того, что задуманное и созданное ими получат от Бога реальность, которая присуща Большому Творению”*. Однажды Толкин сказал мне, что ему хотелось бы верить в то, что Бог дал ангелам в какой-то мере участвовать в Творении. В то время я, не видев еще “Силмариллиона”, решил, что это просто богословское рассуждение. >

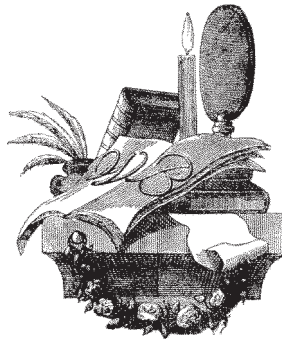
ሃጅገጃ ሰጠጥጥ ሰጠ ልጅ : ሰጠ ርገግጥ ርገገ

(c) Моргул 1999

Минас-Моргул

THE ROAD TO MIDDLE-EARTH^{T.A. Shippey.}

Из "Комментариев" к "Властелину Колец" М. Каменкович

Time has passed since then,
this too can pass.
Из староанглийской поэмы.

"КОРНИ": ФИЛОЛОГИЯ, ЛИТЕРАТУРА. ИСТОРИЯ

Язык (любой, в том числе и английский) хранит в себе свою историю: остатки давно забытых языков давно исчезнувших народов, остатки древних названий, смысл которых забыт. Толкина это зачаровывало. И отразилось в ВК: Наездники Рохана - наиболее "английский" народ из всех жителей М-Е. Но имена властителей до

Эорла Юного - не английские, а готские.

Переключки с "Макбетом" - два неправильно понятые предсказания, король-целитель (Эдуард Исповедник). Толкин полагал, что в "Макбет" вкралась ошибка: В ответ на вопрос Макбета: "If we should fail?" Леди Макбет отвечает вопросом: "We fail?" Должно быть: "We fall". Это и осмысленно, и, главное, характерная для старо-английского звуковая игра, которой в "Макбете" много. Много ее и у Толкина.

Вообще Толкин недолюбливал Шекспира (тот часто не соблюдал раннеанглийские традиции).

Я.Гримм, великий филолог, находил удивительное сходство между скандинавской "Эддой" и немецкими сказками и полагал, что и то, и другое - остатки когда-то единого целого. Толкин учел и сказочные, и балладные традиции.

В староанглийском auction значить "грязь". Вернувшись домой, Билбо застал auction в обоих смыслах.

ТЕОЛОГИЯ ТОЛКИНА И ХРИСТИАНСТВО . СИМВОЛИКА.

Текст "осведомлен" о Христе, хотя герои о Нем ничего не знают. В Средиземьи одновременно действуют Промысел Единого, Предопределение, Воля Валаров, силы Зла, силы природы и обитатели Средиземья. Религия Высших эльфов основывалась на твердом знании, а не на "вере". В их глазах Валары были лишь наместниками Единого во Вселенной.

В "ВК" Толкин постарался свою мифологию разместить "на периферии" и полускрыто. Так создан мир докатолический, но не вступающий с католическим в противоречие. Валары, Гэндальф и пр. - фигуры мифические, но как бы и представляют христианских ангелов, святых ит.д.

Толкин писал: "Люди [в эпоху] прошли через грехопадение, ... но жители Запада грехопадение частично преодолели. Они были потомками тех, кто раскаялся и бежал на Запад из-под ига Первого Черного Властелина и его лжекульта; в отличие от эльфов, они обновили и расширили свое знание истины и природы мира. Таким образом, они избежали "религии" в ее языческом смысле, и мир их стал миром чистого монотеизма, в котором ни одна из вещей и ни одно из существ, внешне достойных поклонения, таковым не считалось - не было даже культов богов-Валаров, т.к. и Валары были всего лишь творениями Единого. Единый же был бесконечно далек." Так на сцене появляется племя, которого, кажется, в истории Земли не было - племя людей, живущих задолго до Христа, однако не поклоняющихся никаким богам и почитающих лишь Единого, хотя, в отличие от древних иудеев, Единый никогда им не открывался, не устанавливал с ними Завета. Они только продолжают традицию, заимствованную у эльфов и ограждающую их от увлечения ложными культами. Создать такое Толкину было непросто! Дунаданы - "экспериментальная раса", созданная Толкиным. Они

ṚṚṚṚṚṚ ṚṚṚṚ : ṚṚṚ ṚṚ ṚṚṚ

избежали, благодаря эльфам, темных религий и даже религий “неполных”. Это “праведные язычники”, их мир - как бы царство праведного, но дохристианского царя Мельхиседека. Этот мир открыт проникающим в него из будущего лучам Евангелия, хотя сами его обитатели о том не подозревают. Есть в Middle-Earth и народы вовсе не имеющие религии: роханцы, хоббиты. Получив у людей Запада иммунитет к темным религиям, они истинной не знают, кроме нескольких легенд и песен, хранящих смутную память о Высшем. Это - обитатели Сумерек, т.е. и гондорцы, и роханцы идолам не поклоняются и язычниками не являются. Толкин, кстати, далеко был от идеализации быта и нравов северных язычников.

Возможно ли для людей Средиземья вечное спасение? Вопрос о возможности спасения “праведных язычников” занимал и волновал Толкина и всех Инклингов. Вообще-то христианство обсуждало эту тему, то католичество полностью отрицает возможность спасения вне Церкви. Толкин истый католик, но он очень любил и уважал персонажей героической эпохи, да и своих собственных... Раннехристианская английская литература, в которой много героев-язычников, упорно обходила эту проблему. Временами героям Толкина дано предчувствовать грядущее (после Страшного Суда?) спасение. Очнувшись после Мордора, Сэм и Фродо ощутили себя в раю. Песнь орла, принесшего в Гондор весть о падении Зла, написана в стиле Псалма и явно перекликается с Пс.33 и 24. Как часто у Толкина, ее слова означают реальные предметы, но несут и символический смысл. Арагорн, умирая, знает час своего конца (как святой) и предвидит, что будет еще что-то. Арвен этого предвидения лишена. Любимые герои Толкина попадут, видимо, не в Ад, а в Чистилище - ждать. Собственно, вся М.-Е. сродни Чистилищу, где некрещенные, но добродетельные ждут Страшного Суда.

Могут ли спастись эльфы? По мнению церкви (и по легендам, и по Андерсену) - нет. Но это несправедливо! Не споря с ортодоксией, Толкин, что для него характерно, ищет “третий путь”. В одной средневековой поэме сказано, что в битве Бога с Люцифером не все ангелы примкнули к той или другой стороне. Те из этих “нейтралов”, кто не участвовал в битве, но сочувствовал дьяволу, заключены до Страшного Суда, после чего отправятся в ад. Те же, кто склонялся к Богу, посланы с неба на землю, где испытывают страдания, но после Страшного Суда вернутся на небо. Третьи еще в Земном Раю и в других местах на земле искупают свой грех. Злые и добрые силы приходят на землю искушать или спасти людей, но “нейтралы” живут своей жизнью в лесах и в холмах - это эльфы. Толкин не говорит, что его эльфы - провинившиеся ангелы (он нигде прямо не спорит с ортодоксией!), но уж очень похожи!

Единый слишком высок и далек, чтобы жители Средиземья обращались непосредственно к Нему. Они обращаются к Валар, к Эльберет. Но, как при мольбе к святому, просьбу выполняет не святой, а Бог, там и здесь действует высшая сила. Видимо, хоббит мог воззвать даже не к Валар, а к Высшему эльфу (Галадриэль) - с тем же результатом. Можно полагать, что в ответ на мольбу Фродо в логове Шелоб в сосуде Галадриэли вспыхнул уже не отраженный свет Сильмариля, но подлинный свет последнего Силмариля - свет Утренней Звезды, и этот святой свет оказался невыносим для Шелоб. Сама Галадриэль, быть может, такой силы и не имела. Фродо сам удивился своему восклицанию (на квенди), но потом то же делает Сэм, который квенди даже не знает. [В Библии этому соответствует “говорение на языках”, которое идет от Святого духа. Весь роман - как бы исследование путей Благодати в мире, изучение предпосылок и следствий праведного поступка. Тайный Огонь, Огонь негасимый - символ Св. Духа, источник всей жизни и творчества. Бог-Отец -это Эру. Бога-Сына в дохристианские времена знать не могли, лишь иногда глухо предсказывается Его пришествие. Временами вдруг просачивается библейская поэтика. Белый лен - одежда праведников, святых, ангелов. 7 светочей - 7 светильников Ветхого Завета и одновременно “7 светильников огненных” Апокалипсиса. Возможно это все не случайно: мир Толкина “вверху” смыкается с нашим миром - правит тот же Бог. Возможно, 7 звезд - эмблема наследников Изилдура - те же 7 светильников Эарендила, что указывает на верность рода Изилдура Валарам. Эмблема Исилдура - полумесяц -М.К.].

“С” - подобие Книги Бытия: падение, изгнание из Рая, годы мук. Льюис подробно рассмотрел

ԳԻՏԱԿԱՆ Ի ԴՆ ՇԵՎՐԱՆ . ԲԻՇԱՆ

тему Падения - по Августину, по Мильтону и по учению Церкви вообще. В “С” тот же подход. Бог создал все хорошим. То, что мы называем дурным - это искаженное хорошее. В Библии Падение означало, что люди возлюбили себя больше, чем Бога, поверили в себя больше, чем в Него. Грех их - Гордость. Побудительные причины Падения могут выглядеть очень благородно: Мелькор хотел улучшить музыку Иллуватара! Но при этом усилил свое участие в ней! По Льюису: тот, кто бунтует против Бога, добивается результата, противоположного желаемому. Кто не хочет быть сыном Бога, превращается в Его инструмент. Падение Эльфов - особый вид гордости: они пожелали творить не хуже, чем Бог, возлюбили свои творения, больше, чем божественное. Но если “С” - “калька” книги Бытия, то внимание сосредотачивается на различиях - то, что отличает эльфов от людей, подчеркивает особенности людей. См. ниже о смерти.

О'Нейл сравнивает сотворение мира по Мильтону и пение Аинур - очень много общего.

Грех эльфов - любовь к своему творению - очень современный. Он где-то между жадностью и гордостью. Эта мысль и в “С”, и в “ВК”. Эта проблема волновала Толкина.

Эльфы бессмертны, потому они не нуждаются в посмертном спасении Спасителем [Ср. выше]. Но вопрос о спасении эльфов и их судьбе после Гибели Миров очень занимал Толкина в конце его жизни.

Видимо, люди были самой уязвимой расой Средиземья по отношению к влиянию злых сил. Они поддавались влиянию Моргота и Саурона несравненно легче, чем гномы, не говоря уже об эльфах. В “Силмариллионе” глухо говорится, что люди встретили Повелителя Тьмы и совершили некое грехопадение до их встречи с эльфами. Люди раскаялись, но до конца исцелены не были. Награда для них порой опаснее наказания. Второе их грехопадение - это история падения Нуменора. Тут основная тема - Заклятие, Запрет. Три ступени отпадения нуменорцев от благодати. Вначале они, хоть и не совсем охотно, приняли запрет плыть на Запад. Они процветают и несут добро людям Средиземья. Затем нуменорцы начинают роптать - им мало их долгой жизни, они возжелали бессмертия. Ищут скорее богатства, чем благословения. Затем, после появления в Нуменоре Саурона, возникает новая религия, на Юг Средиземья нуменорцы теперь несут горе. Не справившись, Валары призывают Эру, мир рушится и меняется.

“Верные” Нуменора - аналогия с Остатком Израиля (Исайя).

Третья эпоха - эпоха Сумерек - первая зра испорченного, изменившегося мира, последняя эпоха пребывания на Земле видимых, полностью воплощенных эльфов, но и последняя эпоха, когда Зло принимает цельный, властный, воплощенный образ.

[Идея “благодатных” и “безблагодатных” земель - одна из важных у Толкина. Вообще-то идея о проникнутости материи благодатью Божией и об искажении Образа Божия в творении, отвергнутом от Бога, более традиционна для православия. Католицизм больше акцентирует внимание на человеке и его душе, чем на природе и космосе - М.К.].

“Девять пешеходов против девяти всадников” - ср. Пс.19, ст. 8-9. У читателя возникает ассоциация, он понимает, что надежда девяти пешеходов - на Бога (о котором они не знают).

Умение прощать - основа обращения положительных героев Толкина друг с другом. Они не упрекают друг друга за проступки. Это христианский принцип “Не судите, да не судимы будете.”

По мере продвижения к цели, Фродо все больше поддается унынию. А Уныние - один из семи смертных грехов, орудие Дьявола в его борьбе за души. Возможно, как и прочие грехи, этот обусловлен и внутренней силой (усталость Фродо), так и внешней (влиянием Кольца).

Сцена нападения Черных Всадников на Фродо и его ранения подобна классической схеме бесовского искушения: надев кольцо, т.е. согрешив под чужим внушением, Фродо открывается темным силам, но молитва и мгновенный отказ следовать дальнейшим внушениям зла спасают

ᖃᖃᖃᖃᖃ ᖃᖃᖃᖃᖃ : ᖃᖃᖃ ᖃᖃᖃ ᖃ ᖃᖃᖃ

его. Главная опасность для Фродо здесь - не рана и даже не смерть, а хватит ли у него воли противостоять темной силе. Всадники могут победить Фродо не физической силой, а только если он сам уступит им. Потому спутники Фродо всадников не интересуют. Хоть Толкин и не любит аллегорий, но путь Фродо - это путь человека в мире.

Оружие сил зла после нанесения удара "тает". Подобно же истаявает меч в "Беовульфе", но там он был растворен ядовитой кровью врага человеческого, а здесь? Возможно, оружие, принадлежащее "темному" миру, не может существовать в нашем.

Темные силы лишены радости, глубоко несчастны и одиноки, ибо радость только в Боге.

Тема восприятия добра теми, кто находится под властью зла: Голлум и свет, он же и лемба, и веревка из Лориена. По некоторым богословам, грешники воспринимают святые предметы, как мучительные. Ср.: "Бойтся, как черт ладана". То же: Шелоб и светильник Галадриэли.

Гэндальф предвидит смерть Саурона 25 марта. Это день Распятия (а также Благовещения).

СИМВОЛЫ

Отвергая аллегорию, Толкин признавал "символ в широком смысле". Но символами у Толкина становятся обычные вещи, которые помимо своего непосредственного, реалистического значения, имеет символический смысл и/или рассчитаны на вызываемые у читателя ассоциации. Так, в сцене штурма ворот Гондора это крик петуха и звук рогов Рохана. Крик петуха - надежда на Воскресение (св. Петр), рассвет, день после ночи, жизнь после смерти - большой цикл после меньшего. Рохан - вызов, бесстрашие, сам дух героической эпохи. В итоге мы угадываем: тот, кто боится за свою жизнь, потеряет ее, но смерть - не поражение. Это было и в дохристианские времена, но только христианство объяснило, почему так.

У Толкина "реальные" предметы: дорога, лес, звезды, кольцо, оставаясь сами собой в контексте повествования, одновременно приобретают значение символа. Это относится, в частности, к песням хоббитов (см. в разд. о худож. особенностях).

Силмарилли - это одновременно и прекрасные драгоценности, и квинтэссенция творческих сил, толкающая как на добрые, так и на злые дела. С ними связана одна из сложнейших проблем творчества - взаимосвязь творца и творения. Собственное создание может стать для творца дороже любви к Богу - это один из грехов современной цивилизации. Толкин видел смысл творчества в соучастии человека в Большом Творении. Человек создан по образу и подобию Божью, и потому способность творить у него врожденная (малый творец). "Единственная цель творчества - это выявлять истину и поддерживать в этом мире добрые нравы, используя средство весьма древнее, а именно - представлять простые вещи в виде чего-то необычного, что зачастую как раз помогает вернуть им их истинный облик." (Толкин). Опасность - в искажении Истины (вольном или невольном), в злоупотреблении своим даром, а также в чрезмерной привязанности к своему творению. Феанор нарушил это - его творение, само оставаясь благим, стало источником Зла. Позже Иллуватар включил это малое творение в свое Большое - возшла Утренняя Звезда Эарендила. Можно полагать, что в конце жизни Толкин усомнился в праве человека на "малое творение".

Дорога - символ жизни, призвания. С дороги можно свернуть, от призывания можно отказаться. Дорога разветвляется, пересекается с другими дорогами, уходит в неизвестность. (Песни хоббитов).

Один из многозначных символов - сплетшиеся *Ветви деревьев*. Они заслоняют небо. Ср. у Данте: "...Я заблудился в сумрачном лесу." Для эльфов лес сплетшихся ветвей - символ земной жизни, которая держит в плену изгнанников, заслоняя от низ свет звезд. Есть намек,

ᚠᚱᚱᚱᚱᚱ :: ᚠ ᚱ ᚱᚱᚱ ᚱᚱᚱᚱ ᚱᚱᚱᚱ :

что для хоббитов выход из леса на простор - это выход из земной жизни. Можно полагать, что хоббиты, как и Люди, надеются на спасение после смерти (но хоббиты относятся к смерти не с таким страхом, как люди).

Один из первых филологов Гримм полагал, что “Эдда”, как и детские сказки - лишь остатки не дошедшей до нас мифологии. И Толкин в детских сказках полагал найти остатки забытых мифов. Так за Бомбадилом встает образ Хозяина - светлого духа, стерегущего лес, реку и курганы. Может быть, Том из тех Майяров, что почти слились с природой Средиземья. Власть его действует через ритмическое слово. По некоторым исследователям, Том - это Адам, не совершивший грехопадения.

Вода - это власть Ульмо. В ней чистота и спасение от злых сил (дождь пролился в Мордоре не напрасно, если эта вода дала силы Фродо и Сэму). Толкин подумывал сказать, что вода - непреодолимое препятствие для Назгулов, кроме Короля. Но это не укладывалось в канву событий.

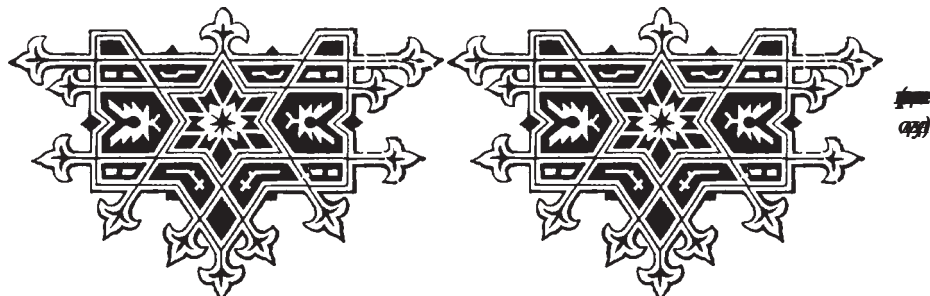
Во сне Фродо *Море* - символ того, что лежит за жизнью.

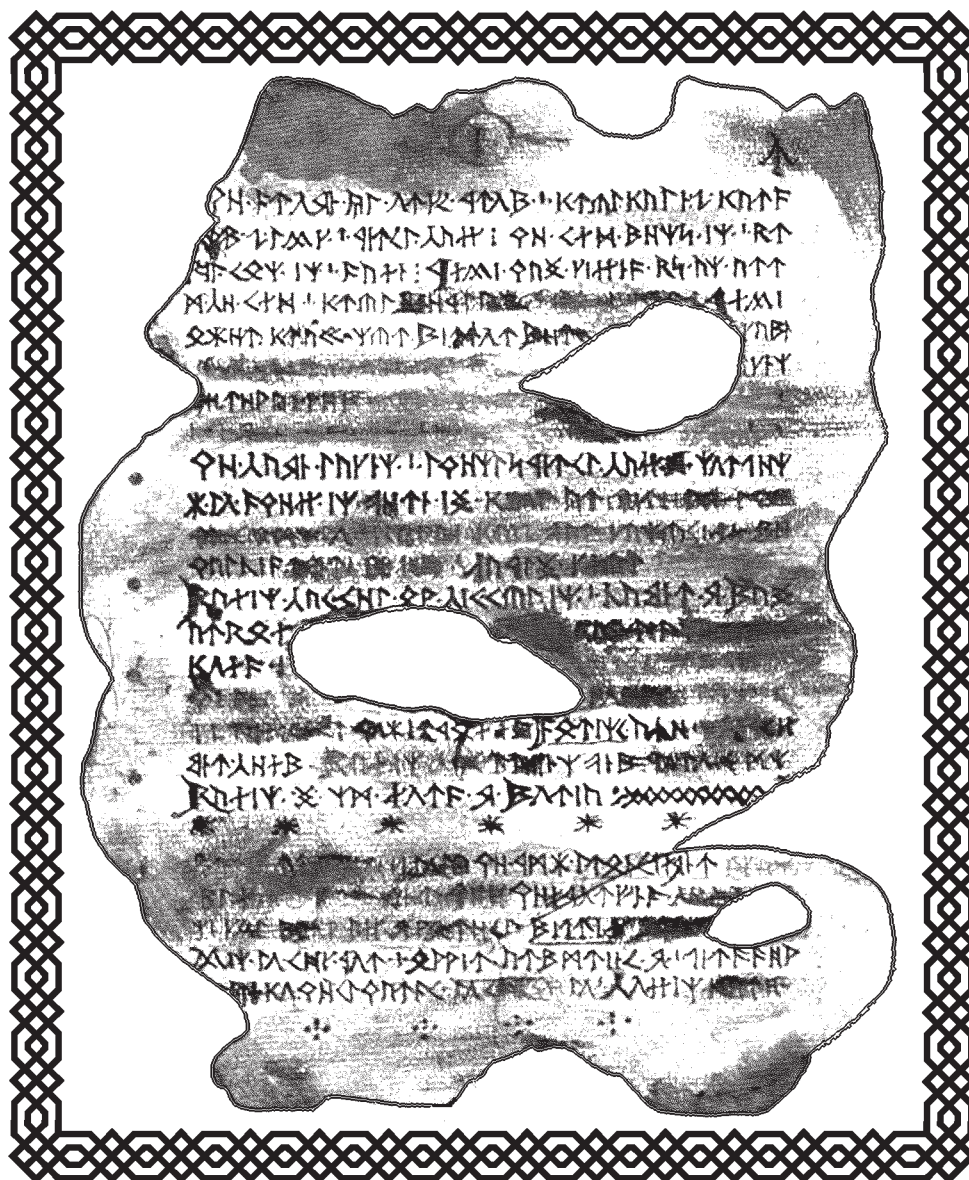
Кольцо - это и Зло, и Грех. “Власть развращает. Абсолютная власть развращает абсолютно. Великие люди, как правило, - плохие люди” (лорд Эктон, XIX в.) - мысль современная, для Средневековья невозможная! Есть староанглийская поговорка, по ней, если у человека есть власть, то тут-то и проявляется (но не портится!) его характер. У Толкина не так, но и не совсем по Эктону. Кольцо у Толкина можно сравнить с наркотиком. Одни рвутся его попробовать (Боромир), другие нет (например, Гимли), третьи сознают опасность и подавляют опасное желание более (Фарамир, Сэм) или менее легко. Начав же употреблять героин, человек попадает под его власть, но вначале у многих возможно исцеление (Билбо, Фродо). Фродо, долго несший Кольцо, все же преодолел зависимость. Это похоже, как наркоман излечивается с посторонней помощью (зубы Голлума), но если сам хочет излечиться (а Фродо хотел уничтожить Кольцо, но не мог). Этот взгляд (очень современный) объясняет отношение всех героев к Кольцу. Портит не только обладание им, но и желание обладать (Боромир). Т.е. Толкин рассматривал проблемы соблазна, сложной природы Добра и Зла, связь между реальностью и нашим пониманием ее (самообман Боромира - зачем ему Кольцо).

Вначале Фродо надевает Кольцо на шею, как крест. Нателный крест - символ своего “креста”, своего первородного греха, который христианин должен донести до своей Голгофы, отделить его от себя покаянием (“замкнуть Зло само на себя” по о.П.Флоренскому). Попасть в Ад - это буквально: уйти в темное, невидимое.

Палантиры - “ясновидящие камни”, магический способ получения знаний о мире. Но в Библии магическое под запретом. Палантир способен попасть под действие темных сил, искажает знание о мире, а пользующийся им сам постепенно изменяется. Повидимому, то же относится и к Кольцам, во всяком случае к Единому.

Тень - всеобъемлющий символ Зла (см. ниже).

1 We drove out orcs from the great gate and guard	14 arbul. ga(th)ered
2 (r)oom and took the first hall: we slew many in the br	15 gold
3 (l)ight sun in the dale: Floi was killed by an arr	16
4 ow. He slew the great chiefta(in). Floi	17 ... wonderful (lay?) Durin Axe
5 under grass near Mirrormer(e). came	18 ver helm Balin h(a)s ta(k)en them for his own
6	19 Balin is now lord of Moria:
7 (w?)e repaire(d)	* * * * *
8	20 ... today we found truesilver
9 We have taken the twentyfirst hall of northern	21
10 nd to dwell in There is g(ood) air	22 n ... coat m(ade?) all of purest mithril
11	23 Oin to seek for the upper armories of the
12 watched. the shaft is clear.	third deep
13 Balin has set up his seat in the chamber of Maz	24
	* * * * *